

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ АРТИКУЛЯЦИЯ НОВЫХ ГОРОДОВ В СОВЕТСКОЙ АРХИТЕКТУРЕ КОНЦА 1920-Х – 1930-Х ГОДОВ

И.М. Долинская

Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена анализу поисков градостроительных приемов, композиционных и объемно-пространственных решений, предпринятых советскими архитекторами в конце 1920-х и 1930-х годов ради формирования визуально-образного ряда и пространственной артикуляции проектируемых ими новых городов. Особое внимание уделено городам, первые генеральные планы или проекты планировки которых никогда в профессиональной прессе тех лет не публиковались. В процессе работы, предваряющей публикацию, были сделаны уточнения по атрибуции и датировке проектов и объектов, включенных в исследование.¹

Ключевые слова: новые города, соцгород, Красноуральск, Игарка, Бобрики, Сталиногорск, Новомосковск, пространственная артикуляция

THE NEW CITIES SPATIAL ARTICULATION IN THE LATE 1920's – 1930's SOVIET ARCHITECTURE

I. Dolinskaia

Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia

Abstract

The article is devoted to the analysis of the search for urban planning techniques, compositional and volumetric-spatial solutions undertaken by Soviet architects in the late 1920's – 1930's for the formation of a visual-shaped row and spatial articulation of new cities designed by them. Particular attention is paid to cities, the first master plans or planning projects of which were never published in the professional press of those years. In the process of work anticipate to publication, clarifications were made on the attribution and dating of projects and objects included in the study.²

Keywords: new cities, socialist city, Krasnouralsk, Igarka, Bobriki, Stalinogorsk, Novomoskovsk, spatial articulation

В мае 1926 года вышел первый номер журнала «Современная архитектура». В разделе, по сути декларирующем цели и задачи не только нового издания, но и большей части профессионального архитектурного сообщества того времени, статья «Урбанизм», написанная Александром Леонидовичем Гастернаком, была напечатана на четвертой странице. К этому моменту, по официальной статистике, опубликованной в 1957 году в

¹ **Для цитирования:** Долинская И.М. Пространственная артикуляция новых городов в советской архитектуре конца 1920-х – 1930-х годов // *Architecture and Modern Information Technologies*. – 2021. – №3(56). – С. 273–296. – URL: https://marhi.ru/AMIT/2021/3kvart21/PDF/18_dolinskaia.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2021-3-273-296

² **For citation:** Dolinskaia I. The New Cities Spatial Articulation in the Late 1920's – 1930's Soviet Architecture. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2021, no. 3(56), pp. 273–296. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2021/3kvart21/PDF/18_dolinskaia.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2021-3-273-296

сборнике «Достижения советской власти за сорок лет в цифрах», за 13 лет, прошедших с 1913 года, во время которых страна пережила три войны и две революции, на территории бывшей Российской Империи появилось 43 новых города³. Часть из них, подобно Мурманску – городу с незамерзающим портом на берегу Кольского залива Баренцева моря, основанному 4 октября 1916 как Романов-на-Мурмане, или Чапаевску, родившемуся в том же 1916 как поселок Иващенко при открытом еще в 1909 заводе по изготовлению взрывчатых веществ, были продуктами развития военной промышленности времен Первой мировой войны. Но это были единицы. Большинство же новых городов являли собой первые итоги индустриализации страны и реализации плана ГОЭЛРО.

К моменту выхода стартового номера «СА» всем уже было понятно, что индустриализация со всем «большевистским пролетарским размахом» будет реализовываться не за счет развития существующих промышленных узлов центральных и западных губерний или Урала, а за счет разведки и разработки новых месторождений и открытия производств в непосредственной близости от мест добычи сырья. А это значит, что речь должна была идти о строительстве не десятков, а сотен новых рабочих поселков и городов по всей стране – в тех местах, куда до того «не ступала нога человека» в прямом и буквальном смысле этого слова.

А.Л. Пастернак, еще в 1918 «состоявший помощником» Л.А. Веснина и В.Е. Дубовского в «московской конторе Шатурской электрической станции» имел опыт проектирования «с нуля» рабочих поселков на торфяных месторождениях⁴. Он понимал, что в проектах новых населенных пунктов, помимо анонсированных в тексте статьи «барьеров», которые «необходимо будет взять», и каковыми, с его точки зрения, являлись «гигиена, санитария, экономика и рациональность»⁵, существует еще один. И это – пространственная артикуляция новых городов и поселков, проектировать и строить которые придется на пустом месте. Не называя проблему, но обозначая ее, давая понять, что внятные, визуально доминирующие пространственные ориентиры – важнейший элемент городской среды, он пишет о «вертикальном сечении» городов. Споря с Бруно Таутом, Мёрингом и Бергом – известными теоретиками градостроительства своего времени, считавшими, что в городах «только деловой центр вмещает высокие застройки»⁶, Пастернак указывает на то, что одна из важнейших характеристик города – это иерархия его вертикалей. И пишет о берлинском опыте строительства «по полицейской указке» шестиэтажного города, когда в результате «налицо город, как реализованная бездарь законописателей»⁷.

Казалось бы, исторически сложившийся и сформировавшийся Берлин имеет развитую систему вертикалей, в основе которой лежит ритм храмовых и дворцовых построек с их устремленными вверх готическими шпилями и куполами. Они прекрасно видны и на фотографиях начала XX века (рис. 1), и на карте города 1926 года (рис. 2). Так, на почтовых открытках 1900-х годов и в дальней, и в ближней перспективах улиц четко читается система городских вертикалей, артикулирующих город. С середины XIX века, помимо дворцов и храмов, в городскую пространственную артикуляцию активно включились фиксировавшие границы городских горизонтов заводские трубы и пожарные каланчи (рис. 2). Позже в этот ряд добавились расположенные ближе к окраинам городские газгольдеры и газораспределительные станции. Казалось бы, к концу XIX века пространственная артикуляция Берлина была практически сформирована и неуязвима.

Но, упоминая в тексте статьи шестиэтажный Берлин, Пастернак имеет в виду другой город – город, построенный в полном соответствии с принятыми в 1887 новыми строительными

³ Достижения советской власти за 40 лет в цифрах. Статистический сборник. – Москва: Государственное статистическое издательство // Проект «Исторические материалы». – 1957. – С. 8. – URL: <https://istmat.info/node/17161> (дата обращения 21.05.2021).

⁴ Казусь И.А. Советская архитектура 1920-х годов: организация проектирования. – Москва: Прогресс-Традиция. – 2009. – С. 54.

⁵ Пастернак А.Л. Урбанизм // Современная архитектура. – 1926. – № 1. – С. 6.

⁶ Там же.

⁷ Пастернак А.Л. Указ. соч. – С. 4.

регламентами в районе улицы Фридрихштрассе, площади Жандарменмаркт и в прилегающих к ним кварталах центра (рис. 3). Там, где застройка была поднята до шести этажей и одновременно ими ограничена, она сnivelировала все близлежащие вертикали, сделав их равновеликими себе (рис. 3б), и в результате вынужденно получила дополнительные средства визуальной артикуляции в виде зданий с угловыми эркерами и башенками, фланкирующими и отмечающими значимые перекрестки в однообразной равноэтажной массе домов (рис. 3а). В итоге, при разрушении ближних перспектив впервые в истории градостроительства заводские трубы, до того момента растворявшиеся в сложной, ранжированной по месту в городской ткани системе вертикалей, стали играть важнейшую силуэтообразующую роль. Особенно это стало заметно, когда речь шла о дальних перспективах, воспринимаемых не с высоты человеческого роста, а из окон верхних этажей тех самых шестиэтажных зданий (рис. 3б).

Рис. 1. Виды Берлина на почтовых открытках 1900-х годов

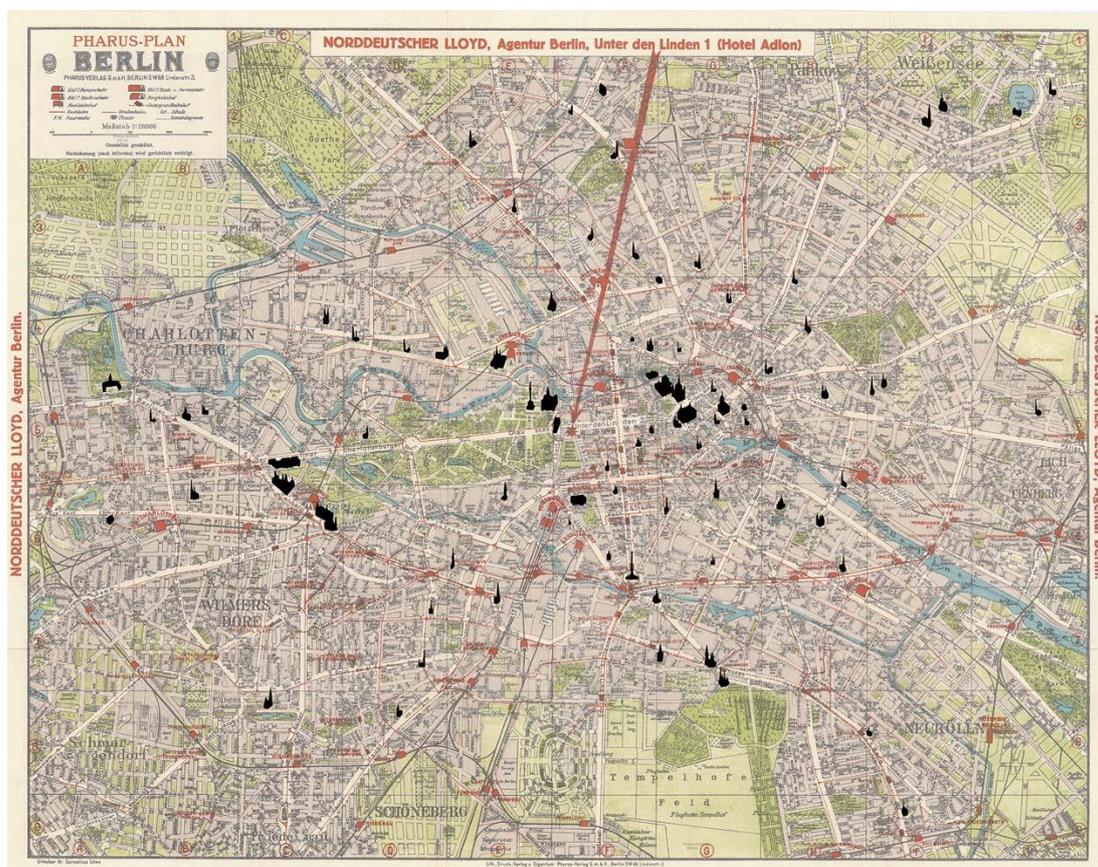

Рис. 2. Карта Берлина 1926 года с показом силуэтов всех зданий, формирующих пространственную артикуляцию города

Этим берлинским примером Пастернак, по сути, предостерегает работающих рядом с ним коллег от строительства неартикулированных, и, как следствие, нечитаемых городов. Но, судя по тому, что написано дальше, он с горечью понимает и всю несвоевременность попыток, предпринимаемых теми из них, кто в период «строительного штиля» выбрал «правильный путь» и рисовал «будущий дом как вертикальную постройку». И, несмотря на то, что «заседали комиссии, вопросы решались серьезно, рассматривали своевременность, экономичность, рентабельность, возможность, приходили к единственному правильному выводу – вертикаль, а не горизонталь, делались проекты, принцип торжествовал», «волчьи ямы и капканы опрокидывали надежды»⁸.

а)

б)

Рис. 3. Виды центральных улиц Берлина: а) улица Фридрихштрассе в районе перекрестка с Беренштрассе. Фотография Генриха Цилле. 1900 год; б) улица Обербаумштрассе в месте пересечения с улицей Скалитцерштрассе около станции метро «Шлезисес Тор» линии U1. Открытое письмо. 1902 год

И, если европейские архитекторы в абсолютном большинстве своем продолжали работать в исторически сложившихся реалиях «капиталистических городов» с уже существующей системой вертикалей и интенсивно развивающейся застройкой и деловых и жилых кварталов доминирующими высотными зданиями, то советским архитекторам предстояло проектировать и строить в чистом поле малоэтажные горизонтальные города. Одной из важнейших градостроительных характеристик, общей для всех спроектированных ими этих новых городов, будет отсутствие в них выраженной пространственной артикуляции: отсутствие ранжированной системы вертикальных доминант, наличие которых не только формирует силуэт и панорамы города, но делает его информативно доступным и навигационно понятным. Такими доминантами в российских городах 1900-х годов были церковные колокольни, шатры и главы, кремлевские и монастырские башни, пожарные каланчи, водонапорные башни и заводские трубы, замыкавшие последовательность общегородских вертикалей. Со времен градостроительной деятельности Петра I, Анны Иоанновны, а позже – Екатерины II и победы над Наполеоном, в этот ряд, скорее не на главных, а на вспомогательных – эстетически и эмоционально обусловленных ролях, включились триумфальные ворота, мемориальные колонны, обелиски, памятники великим людям и событиям. Но все эти социально, визуально и вертикально значимые объекты всегда были и оставались принадлежностью города, поступательно складывающегося и формирующегося вокруг исторического ядра. По мере разрастания городская ткань неминуемо обретала новые доминанты, включавшиеся в общегородскую иерархию и систему перспектив, видов и панорам. Казалось, этот ряд преемственно бесконечен. И до 1918 года так и было. Теперь же в активе советских архитекторов оставались только вертикали коммунальных и промышленных объектов и ленинский план монументальной пропаганды, подразумевавший создание все тех же триумфальных ворот, мемориальных

⁸ Там же.

колонн, обелисков, памятников великим революционерам или революционным событиям и мечты о высотном строительстве.

В послереволюционные годы, всем, кто профессионально занимался проектированием новых городов, было понятно, что проблему их доминант необходимо будет каким-то образом решать: отсутствие четко артикулированных общественных пространств, читаемых в панорамах и уличных перспективах, сделает города слепой, визуально не воспринимаемой массой зданий, в которой невозможно будет ориентироваться. Впоследствии в этой нечитаемости типизация и постепенная индустриализация застройки, безусловно, тоже должны были сыграть свою отрицательную роль [10]. И осознавая эту опасность, продолжая спорить и с апологетами горизонтальных городов, и с теми, кто ратовал за присутствие вертикалей только в центральных ансамблях деловых кварталов, Пастернак пишет о том, что «... и в остальных частях города новая жизнь заставит нас возводить высокие дома. Повсюду, как в центре, так и на периферии они возникнут, подчиняясь известным условиям, ставшим законами новых принципов урбанизма»⁹. Но ни до, ни после этого утверждения он не говорит, о каких именно «новых принципах урбанизма» идет речь, оставляя, вероятно, это понимание на профессиональную совесть и компетентность коллег. Что-то в городах и с визуально-композиционной, и с социокультурной точки зрения неминуемо должно было занять место выведенных из социалистического обихода колоколен и храмов. И дальше в тексте речь идет уже о том, что в городе «... деловая часть <...> естественно, разворачивается по вертикали. <...> Но и другой полюс города – его жилая часть в своем функциональном развитии потребует в известных местах вертикального развертывания, которое будет прерывать менее высокие жилые комплексы»¹⁰.

Итак, в статье речь идет о доминантах, о месте и роли вертикалей в восприятии городов и их отдельных частей, то есть, о поисках тех объектов, которые будут формировать их пространственную артикуляцию и силуэты. И одним из таких объектов, как считал Пастернак, должен был стать «коллектор-небоскреб» – некая районная ячейка, притягивающая к себе «непосредственно заинтересованное население»¹¹. Что именно должен собой представлять этот «коллектор», и в чем должна заключаться его притягательность, в тот момент не знал никто. Единственное, на что указывает автор, это на то, что и «в деловом центре небоскребы будут доминировать», а в жилых районах «население, непосредственно заинтересованное в этих районных ячейках, безусловно должно быть крепко с ними спяно»¹².

К 1928 году поиски этих «доминирующих центров», «ячеек» и «коллекторов-небоскребов» пошли по двум путям: реальному и концептуальному. Концепциями занимались студенты и преподаватели ВХУТЕИНа в мастерских А.А. Веснина, Н.А. Ладовского и Н.В. Докучаева. Практические же поиски доминант, которые предстояло строить «здесь и сейчас», сосредоточились в трестах, специализировавшихся на проектировании новых индустриальных объектов и городов при них. Первые прикладывали усилия к тому, чтобы найти точное определение, место и функциональное насыщение этих новых, притягивающих к себе заинтересованное население городских центров (рис. 4, 5), вторые искали все возможные и экономически доступные способы артикулировать уже строившиеся города, сформировать их силуэты и перспективы. И, если работы первых остались на бумаге, то вторым удалось достичь заметных практических результатов.

Первая публикация одной из немногих попавших на страницы «СА» студенческих поисковых работ, направленных на создание образа городской доминанты-коллектора, появилась в № 6 за 1928 год. Ее анонс даже напечатали на титульном листе выпуска (рис. 4а). Это был дипломный проект Дома профсоюзов, выполненный Николаем

⁹ Пастернак А.Л. Указ. соч. – С. 6.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же (в цитате сохранена орфография и пунктуация первоисточника).

Красильниковым в мастерской А.А.Веснина (рис. 4). Статье со всеобъемлющим названием «Проблемы современной архитектуры», написанной вчерашним студентом, было отведено 6,5 страниц. Большая часть из них посвящена расчетам, которые, по мнению автора, должны были с максимальной точностью определить «закономерность и обусловленность архитектурной формы», то есть найти ответ на вопрос, который, как он пишет, «почти не затронут научной мыслью», утверждая при этом, что «строительное дело является самой отсталой отраслью знания»¹³. Говоря о плотности застройки участка и форме зданий, он оперирует, с одной стороны, математическими переменными – вполне определенными и легко определяемыми параметрами минимума и максимума, с другой, – вводит неисчисляемый и не имеющий цифрового выражения критерий целесообразности.

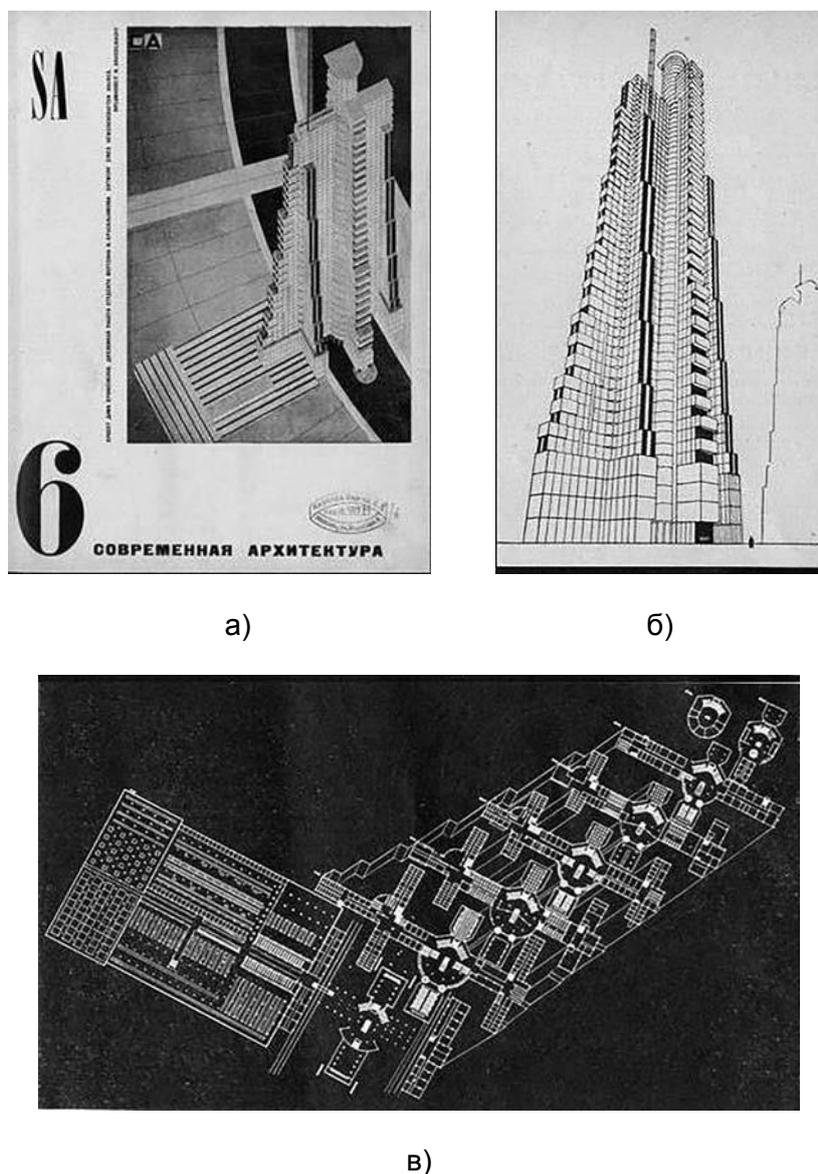

Рис. 4. Диплом Николая Красильникова «Проект Дома профсоюзов». 1928 год. ВХУТЕИН. Мастерская А.А. Веснина. Опубликовано в № 6 журнала «СА» за 1928: а) анонс работы на титульном листе; б) перспектива; в) план

Говоря о городе, он пишет о «самом экономичном» решении его застройки. Обращаясь к проблемам отдельных зданий, он сразу указывает на то, что «перед проектировщиком прежде всего встает вопрос, как должны быть расставлены помещения, чтобы связь их

¹³ Красильников Н. Проблемы современной архитектуры // Современная архитектура. – 1928. – № 6 – С. 170 (в цитате сохранена орфография и пунктуация первоисточника).

между собой и улицей была бы наиболее выгодной, то есть количество времени, затрачиваемого на всякого рода передвижения, было минимальным»¹⁴. И, какими бы сложно-наивными не казались сегодня эти математические выкладки, они, безусловно, опережали свое время: первые советские «Временные правила проектирования и возведения зданий и сооружений» появятся только через год – в 1929 году. Нормы, регламентирующие наряду с отдельными зданиями, проекты городов и поселков «Правила и нормы застройки населенных мест, проектирования и возведения зданий и сооружений», еще через год – в 1930 году. И только через 30 лет – в 1958 году выйдут строительные нормы СН 41-58 «Правила и нормы планировки и застройки городов».

Из всех приведенных в статье расчетов Красильников сделал два вывода. Для зданий, где движение людей по вертикали происходит лифтами, а по горизонтали – коридорами «максимально выгодный план» имеет форму трех соединенных между собой крестов. Это «лучшее решение с точки зрения графика движения». Для проектирования «нового социалистического города» им была «взята экономическая целесообразность всех процессов, протекающих в нем при минимальных затратах»¹⁵.

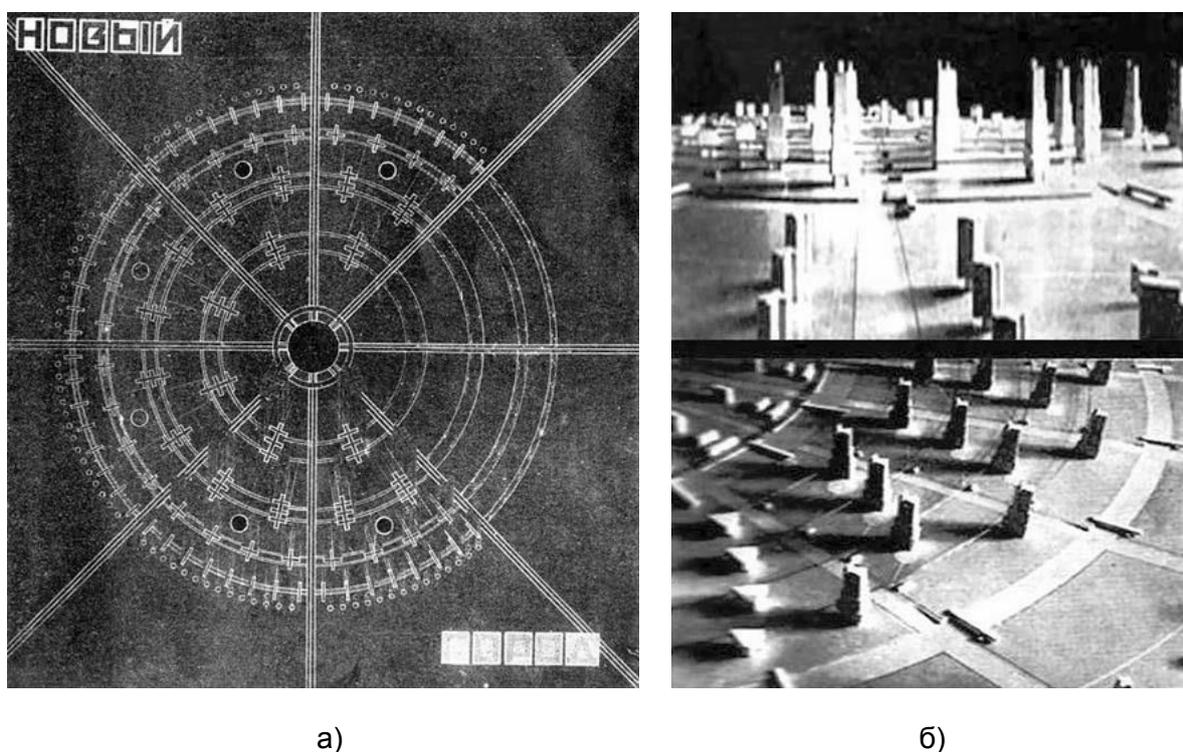

Рис. 5. Диплом Трифона Варенцова «Проект Нового города». 1928 год. ВХУТЕИН. Мастерская Н.В. Докучаева: а) генеральный план; б) фотографии макета

В главе 2 книги 2 монографии С.О. Хан-Магомедова «Архитектура советского авангарда», названной автором «Социальные проблемы», генеральный план Нового города, приведенный на рисунке 5а этой статьи, идентифицирован как часть дипломного проекта Николая Красильникова, выполненного в мастерской А.А. Веснина. Графический и визуальный анализ опубликованных изображений позволяет с большой долей уверенности предположить, что это – генеральный план из дипломной работы Трифона Варенцова. В основе ошибочной атрибуции, вероятно, лежит неаннотированная публикация изображения на странице 171 журнала «Современная архитектура» № 6 за 1928 год – в статье Николая Красильникова.

¹⁴ Там же (в цитате сохранена орфография и пунктуация первоисточника).

¹⁵ Там же.

В 1927–1928 учебном году сразу в нескольких мастерских ВХУТЕИНа темой дипломных проектов был объявлен Новый город. Среди всего многообразия предложенных решений наибольший интерес с точки зрения проектирования пространственно артикулированных городов представляют работы, сделанные и защищенные в мастерских Н.А. Ладовского и Н.В. Докучаева. Это проект Виталия Лаврова со схемой города-линии, и проект Трифона Варенцова с вариантом разомкнутой городской радиально-кольцевой системы. Они, безусловно, изначально заслуживали пристального внимания. Но проблема заключалась в том, что и учителя и ученики были членами Ассоциации Новых Архитекторов. Имея возможность работать и обмениваться опытом, они, в отличие от членов творческого объединения ОСА, не имели возможности этот опыт пропагандировать и публиковать. Их печатный орган «Известия АСНОВА» выдержал только один выпуск – № 1 за 1926 год, а о совместном с ОСА издании журнала «Современная архитектура» они договориться так и не смогли. В результате, дипломные проекты 1928 года, которые могли бы сыграть очень важную, если не основополагающую роль в процессе формирования подходов к проектированию пространственно артикулированных соцгородов, не были опубликованы совсем или были опубликованы фрагментарно, и об их количестве, качестве и полном составе сегодня, к сожалению, вообще судить невозможно [5].

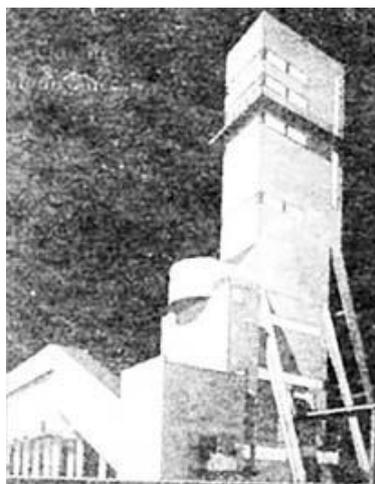
Что же касается проектов, которые реализовывались или должны были реализовываться «здесь и сейчас», то одним из самых интересных итогов этой деятельности можно считать строительство в 1930 году железобетонного надшахтного копра Красноуральского медеплавильного комбината. И.А. Казусь в книге «Советская архитектура 1920-х годов: организация проектирования» называет этот объект одной из жемчужин творчества Промыслово-кооперативного строительного товарищества «Технобетон». Интересно, что для создания нового образа утилитарного промышленного сооружения в 1929–1930 годах над проектом, помимо архитекторов Б.Я. Мительмана и С.П. Точилова, инженеров С.Л. Прохорова и А.А. Полякова, технолога А.Д. Перминова и консультанта Н.А. Кашкарова, работал и Л.Е. Фейнберг – ученик С.Ю. Жуковского и Ф.И. Рерберга, бывший до 1923 года участником Союза русских художников. То есть, рассматривая надшахтный копер как важнейшую городскую доминанту, высота которой по проекту составляла 50 метров, товарищество «Технобетон» привлекло к работе не только архитекторов, но и художника. Силуэт копра должен был замыкать перспективу сквера улицы Кирова, начинавшегося от здания Дворца культуры металлургов, построенного в 1932 году, и ориентированного на комплекс зданий «первенца медеплавильной промышленности СССР» (рис. 6) [2].

а)

б)

в)

Рис. 6. Красноуральск: а) Дворец культуры «Металлург». Фото 1932 года; б) схема плана города с выделением здания ДК «Металлург», территории Медеплавильного комбината и соединяющего их сквера на ул. Кирова; в) проект надшахтного копра Красноуральского медеплавильного комбината. Архитекторы Б.Я. Мительман и С.П. Точиллов, художник Л.Е. Фейнберг, инженеры С.Л. Прохоров и А.А. Поляков, технолог А.Д. Перминов, консультант Н.А. Кашкаров. 1930 год

Но «в силу производственной необходимости» место установки копра сместили с оси на северо-восток и ниже по рельефу – туда, где и сегодня сохранился его остов. В итоге, до середины 1960-х, до момента создания Памятника погибшим в Великой Отечественной войне, главная городская перспектива оставалась открытой (рис. 7а), лишенной столь важной для города завершающей ее доминанты.

Несмотря на то, что, по мнению Казуся, «В этом проекте [надшахтного копра] воплощены как идеи конструктивизма, так и формально-эстетические поиски 1920-х гг., определившие строгую функциональность сооружения и его лапидарную, обобщенную форму»¹⁶, преобладающей идеей работы, кажется, все-таки были поиски новой образной вертикали, способной сформировать вокруг себя иерархию доминант малоэтажного, горизонтального в тот момент города. Как указывает тот же Казусь, изначально таких 50-метровых копров в Красноуральске должно было быть три: помимо частично сохранившегося главного, были еще копры на Левинском и Красногвардейском рудниках комбината¹⁷, частично демонтированные, частично разрушившиеся после их закрытия. То есть, по замыслу, город, разрастаясь и приближаясь к своим «местам добычи», должен был получить уже готовые пространственные ориентиры. Но этого не произошло: город развивался не на северо-запад – в сторону рудников, а на юго-восток – «втягивая» в себя комбинат и все прилегающие к нему поселки. В результате, к концу 1960-х годов сформировалась существующая по сей день совершенно иная панорама, на которой отчетливо видно, как не хватает в силуэте города двух утраченных им в начале 1980-х доминант (рис. 7б).

Таким образом, с середины 1930-х годов и до момента открытия Памятника погибшим на формирование пространственной артикуляции Красноуральска и его перспектив, помимо заводских труб, работал только памятник Ленину и пара установленных в сквере улицы Кирова монументальных статуй (рис. 7а), исчезнувших после войны (рис. 7б).

¹⁶ Казусь И.А. Указ. соч. – С. 103.

¹⁷ Казусь И.А. Указ. соч. – С. 191.

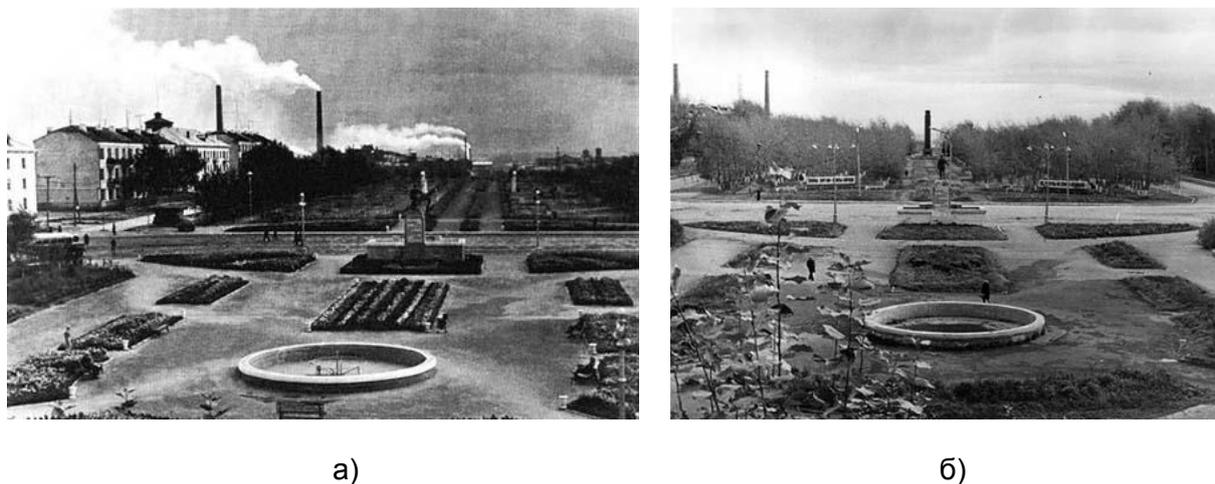

Рис. 7. Красноуральск. Вид на сквер на улице Кирова с площади перед ДК «Металлург»: а) фото конца 1940 года; б) фото конца 1970-х годов

В еще более сложном положении, с точки зрения создания системы городских доминант, оказался Иван Леонидов, который между 1931 и 1934 годами занимался проектированием города Игарки. Деревянный, благодаря градообразующему лесопильному производству, город строился на абсолютно плоском берегу Игарской протоки. В отличие от добывающих и перерабатывающих городов, Игарка – это попытка уплотнения системы портов Северного Морского Пути, предпринятая ради доступного и экономичного экспорта пиломатериалов. Игарская протока оказалась идеальным местом для прохода морских судов, а ее гавань – для строительства лесопильного завода [5].

В первом реализованном генеральном плане, известном только по эскизам в блокноте Леонидова (рис. 8а), композиционным центром города был «назначен» склад готовой продукции Лесотехнического комбината и порт: два объекта, ради которых, этот город и был основан (рис. 8б) [5].

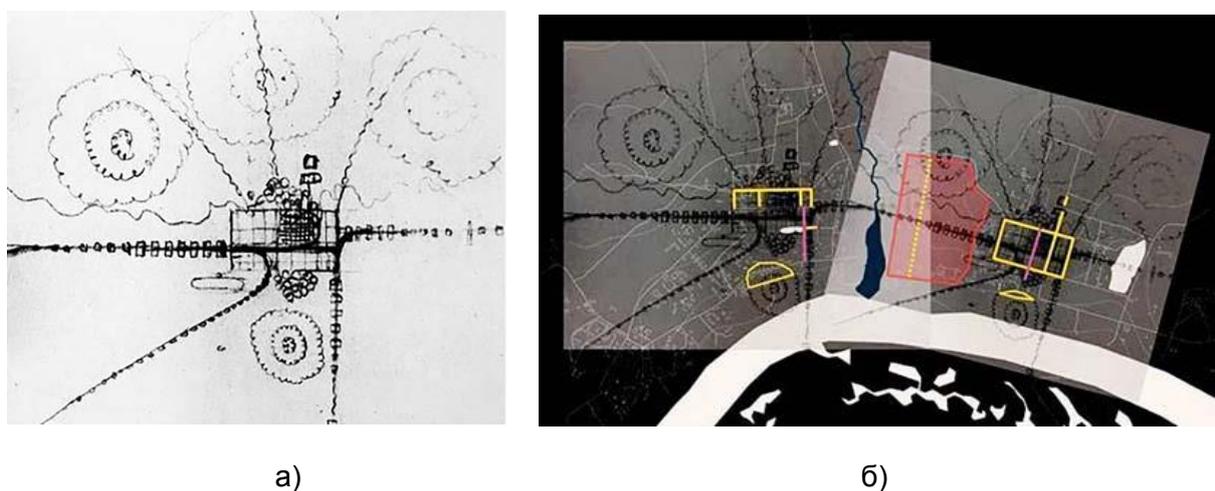

Рис. 8. Игарка: а) И.И. Леонидов. Эскиз генерального плана. Страница из игарского блокнота 1931 года; б) наложение эскиза генерального плана Игарки из блокнота 1931 года на современную схему города с указанием местоположения склада готовой продукции Лесопильного комбината и улиц, сохранивших трассировку генплана И.И. Леонидова

То есть, у Леонидова из всех доступных в тот момент архитекторам средств формирования пространственно артикулированного города были только объекты порта. И две вертикали,

появившиеся в Игарке в те годы – это диспетчерская башня построенного в 1932 по его проекту здания «Торгового порта для иностранцев» (позднее – управление Речпорта) (рис. 9б), сохранившийся до сих пор редчайший пример деревянных построек эпохи конструктивизма (рис. 9б) и башня находившегося рядом с ним здания Гидропорта (рис. 9а).

а)

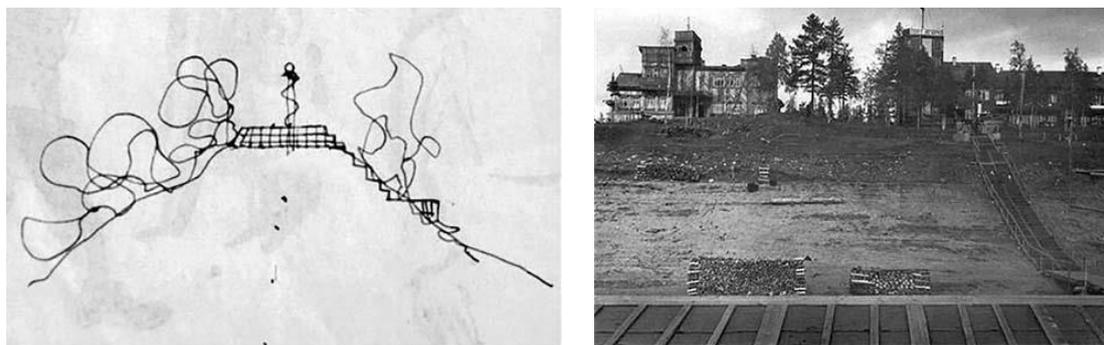
б)

в)

Рис. 9. Игарка. Постройки И.И. Леонидова: а) здание Гидропорта. 1932 год. Вид со стороны города. Фото 1933 года; б) здание «Торгового порта для иностранцев». 1932 год. Открытка 1934 года; в) здание управления Речпорта. Фото 2008 года

По сути, эти два портовых сооружения, обладающие дополнительными визуальными доминантными характеристиками, фланкировали вход в город со стороны порта (рис. 10б). Хотя, судя по эскизам из игарского блокнота, в самом начале работы Леонидов считал, что доминанта в зоне порта должна быть одна (рис. 10а). И, скорее всего, эту роль должен был играть маяк. Или радиомачта портовых служб, принимающая сигналы с кораблей. Вероятно, идея «входных ворот» появилась позже, когда город уже строился.

а)

б)

Рис. 10. Игарка: а) эскиз городской доминанты. И.И. Леонидов. Рисунок из блокнота 1931 года; б) вид на здания Гидропорта (слева, не сохранилось) и «Торгового порта для иностранцев» (справа) со стороны Игарской протоки. Фото 1955 года

Еще одну попытку внести разнообразие в силуэт города Леонидов предпринял в 1934 году, «подняв» над одно- и двухэтажными кварталами трехэтажный с высоким подклетом объем Дома Советов и Труда, через несколько лет ставший зданием Игарского горсовета, а позднее – школой № 4 (рис. 11), сгоревшей в страшном пожаре 1962 года. Его отличительной особенностью были две лестничных башни, активно выступающие из плоскостей стен.

а)

б)

Рис. 11. Игарка. Дома Советов и Труда. Архитектор И.И. Леонидов: а) фото 1937 года; б) фотограф Отто Хеллер (Otto Heller). Фото конца 1930-х гг.

а)

б)

Рис. 12. Игарка. Вид на город с юго-запада: а) фото зимы 1936–1937 года; б) фото зимы 2007–2008 года

Но точечные усилия, предпринятые Леонидовым в те годы для формирования системы силуэта и пространственной артикуляции Игарки, судя по всему, после июля 1934 года, когда ради строительства на берегу протоки дирижабельного порта работа над генеральным планом была передана в ведение «Дирижаблестроя», сошли на нет. В результате город, практически полностью уничтоженный пожаром 1962 года, сменив двухэтажную деревянную застройку на индустриальную пятиэтажную, так и остался горизонтальным, лишенным доминант, и, как следствие, четко читаемых внутригородских ориентиров и пространственно артикулированных панорам (рис. 12).

В проектировавшемся и строившемся одновременно с Игаркой и Красноуральском Бобрике Донском, переименованном в 1933 году в Сталиногорск, а в 1961 году – в Новомосковск, титульная, но не единственная угледобывающая промышленность не нуждалась в силуэтоформирующих вертикалях своих объектов. К тому же, город строился на нескольких площадках «на землях, уже свободных от угля»¹⁸, на расстоянии иногда почти 20 километров от мест его добычи. И это был не просто город, сконцентрированный в своих границах: здесь первоочередной задачей было создание единой структуры, объединявшей в себе промышленность, состоявшую из 17 крупных разнопрофильных промпредприятий, разбросанных на площади в 140 км², и селитебные территории, рассчитанные на 50 000 человек [12]. Это должен был быть первый в стране индустриальный город-гигант. По сути, новая – индустриальная столица государства победившего пролетариата.

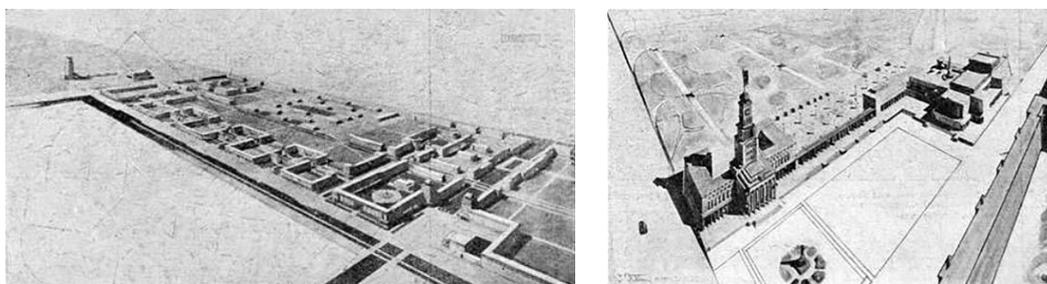
В результате конкурса 1929 года на проект планировки Бобриков и по итогам первых лет послеконкурсного проектирования и строительства, завершившихся разгромной для авторов конференцией, прошедшей в мае 1932 года эгидой Экономического Института Красной профессуры и Научно-исследовательского института Коммунистической академии, в 1933 году работа над генпланом и объектами города была передана в ГИПРОГОР. В этот же момент город из Бобриков превратился в Сталиногорск. Неудачи первого периода необходимо было забыть. На месте недостроенного соцгорода времени конструктивизма теперь строился репрезентативный сталинский город-ансамбль эпохи советского ар-деко, определяемого сегодня термином «неоконструктивизм». Город с осевыми композициями центра, бульварами, парадными аллеями, партерной зеленью; интенсивным декором фасадов, монументами и фонтанами на площадях [12].

Именно в ГИПРОГОРе в 1933–1935 годах был сделан проект планировки и застройки центральной части этого типологически нового города. На фоне формировавшихся стилистических и композиционно-пространственных приемов проектирования городской среды в короткий период неоконструктивизма в арсенале архитекторов оказался куда больший, чем за 3 года до этого в Игарке и Красноуральске набор средств пространственной выразительности и артикуляции. Это были и многоэтажные по сравнению со средне- и малоэтажной жилой застройкой объемы административных и социально значимых городских объектов, имевших в проектах башенные завершения, обелиски, триумфальные арки, мемориальные колонны и весь диапазон монументов, скульптур и памятников, некогда включенных в ленинский план монументальной пропаганды.

В опубликованном в № 4 журнала «Архитектура СССР» за 1935 год проекте центральных кварталов города и нереализованной центральной площади, которая должна была появиться в Сталиногорске на пересечении улиц Московской и Комсомольской, особое внимание уделено памятникам Ленину и Сталину, расположенным в строгой иерархии (рис. 13).

¹⁸ Кузнецов А., Корноухов А., Артюхов А., Наумов М. Быть или не быть городу в Бобриках. Централизация или децентрализация жилья на бобриковском комбинате? // Строительство Москвы. – 1931. – № 7. – С. 4–7.

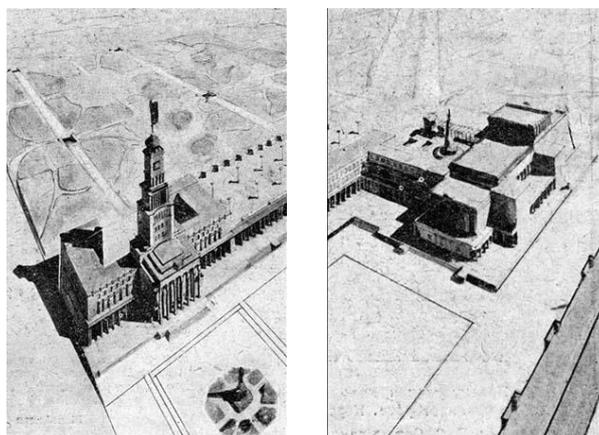
Памятник Сталину должен был стоять на главной оси площади (рис. 13а, 14а) на земле: доступный, близкий, понятный. Благодаря своим размерам и месту он бы прекрасно работал и просматривался в большинстве городских перспектив и панорам. Композицию площади дополняла главная городская доминанта – башня Горсовета, который в этом месте и по этому проекту так и не был построен (рис. 13б, 14а). Башня почти «дословно» воспроизводила формы и пропорции церковных колоколен эпохи неорусского стиля – с луковичным завершением, и знамя мирового пролетариата занимало в проекте место креста (рис. 14а). Само же здание было прямой отсылкой к традициям российского классицизма. Монументальная фигура Ленина на высоком постаменте должна была появиться в курдонере Дворца культуры, открытом на Комсомольскую улицу (рис. 13б, 14б). От здания Горсовета до курдонера ДК вдоль улицы в проекте была протянута аллея мемориальных колонн, а с северной стороны площади все выходящие на нее здания объединяла крытая галерея (рис. 13б, 14а, 14б). По масштабу и совокупности решаемых задач проект был сопоставим с конкурсными работами Дворца Советов первого этапа. Но с точки зрения поисков новой архитектурной выразительности, нового языка архитектуры, иерархии городских доминант и приемов пространственной артикуляции ни российская, ни, тем более, предшествовавшая советская архитектурная практика ничего подобного не знала со времени первых проектов храма Христа Спасителя на Воробьевых горах.

а)

б)

Рис. 13. ГИПРОГОР. Проект застройки центральной части Сталиногорска 1933–1935 гг. Архитекторы Н.Л. Якобсон, М.И. Джандиери и Н.Л. Сапожников. Не реализован: а) проект застройки центральных кварталов; б) проект планировки и застройки Центральной площади. Общий вид

а)

б)

Рис. 14. ГИПРОГОР. Проект застройки Центральной площади Сталиногорска 1933–1935 гг. Архитекторы Н.Л. Якобсон, М.И. Джандиери и Н.Л. Сапожников. Не реализован: а) здание Дома Советов с башней и скульптурой Сталина на площади; б) здание Дворца культуры с памятником Ленину в курдонере

В процессе строительства площадь Горсовета (позднее – Советская) – главная площадь города – сместилась на пересечение улиц Комсомольской и Октябрьской. Сюда же, в разбитый южнее площади Парк им. П.П. Постышева, «сместился» относительно проекта и памятник Сталину с трибуной, установленный в 1938 или в 1939 году¹⁹ и демонтированный в ночь с 7 на 8 ноября 1961 года²⁰. Здесь, точно так же, как и в первоначальном проекте центра города, обращенный на север – в сторону мест угледобычи – монумент вождя определял масштаб сквера перед кинотеатром «Победа» (рис. 15б), прекрасно артикулировал площадь и перспективы Комсомольской и Октябрьской улиц (рис. 15). На близких точках восприятия его поддерживали фигуры, фланкировавшие круглый ризалит построенного в конце 1930-х здания Горсовета, в котором после войны и строительства рядом нового здания городской администрации располагался Подмосковный научный институт угля (рис. 15а).

а)

б)

Рис. 15. Сталиногорск. Площадь Горсовета: а) памятник И.В. Сталину с трибуной. Вид с востока. В перспективе Комсомольской улицы видна Триумфальная арка, установленная в конце 1940-х. Фото С. Фридлянда. 1949–1950 гг.; б) памятник И.В. Сталину с трибуной перед зданием кинотеатра «Победа»²¹. Фото конца 1940-х гг.

В то время как здание и площадь Горсовета строились западнее, чем было заложено в генплане 1935 года, на том месте, где должен был формироваться центральный городской ансамбль, по-прежнему строился один из важнейших его объектов – «здание кино на 1 000 мест с садом при фойе» (рис. 16)²². К моменту открытия в 1936 он уже считался Дворцом культуры химкомбината.

В соответствии с проектом, который в 1935 году был опубликован вместе с проектом застройки центральной части Сталиногорска, справа от здания должна была быть установлена мемориальная колонна, завершающая ряд колонн-обелисков, объединяющих все здания ансамбля со стороны Комсомольской улицы. В сквере, на оси главного входа, на месте памятника Ленину (рис. 16б) должен был стоять монумент «Борцам революции» (рис. 16а).

¹⁹ Малашкин А., Владимиров М. Берегите его – он же памятник. По материалам газеты «Сталиногорская правда» // Новомосковск сегодня. Информационное агентство. – 22.01.2018. – URL: <http://www.nmosktoday.ru/news/chronicle/41813/> (дата обращения 15.06.2021).

²⁰ Орлихина И. Утром Сталина в городе уже не было // Новомосковская правда. – 17.08.2017. – URL: <http://nov-pravda.ru/news/utrom-stalina-v-gorode-uzhe-ne-bylo/> (дата обращения 15.06.2021).

²¹ Здание кинотеатра «Победа» было построенное в 1946 году по типовому проекту 1935 года архитектора В.П. Калмыкова.

²² Галактионов А.А. Проект застройки Сталиногорска. // Архитектура СССР. – 1935. – № 4. – С. 71.

а)

б)

в)

Рис. 16. Сталиногорск: а) ГИПРОГОР. Проект «здания кино на 1 000 мест с садом при фойе»²³. Архитектор Е.С. Сорокина. Перспектива. 1933 год; б) Дворец культуры химкомбината и Комсомольский сквер с памятником Ленину. Фото 1950-х; в) памятник Ленину в Комсомольском сквере на фоне Радио-дома. Фото 1960-х

Из всех социально значимых объектов генплана, сделанного между 1933 и 1935 годами архитекторами ГИПРОГОРа, на своем месте остался только Радио-дом – в тот момент самое высокое здание в городе, получивший из-за установленной на крыше радиомачты название «дом под вышкой». Его хорошо видно на перспективе «здания кино» (рис. 16а). Это – одна из сохранившихся сегодня значимых вертикальных доминант центральной части Сталиногорска предвоенных лет (рис. 17).

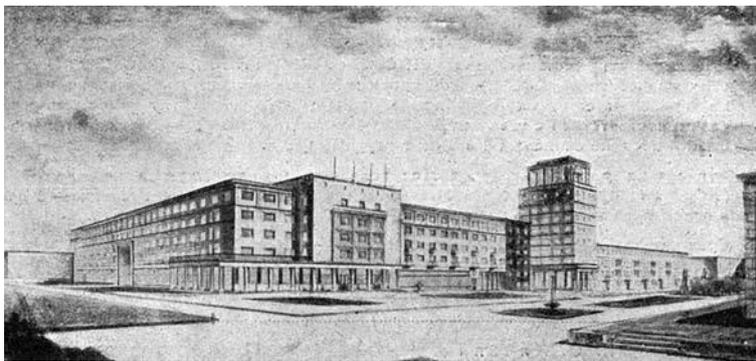

а)

б)

²³ Реализован как здание Дворца культуры химкомбината, современный городской Дворец культуры.

в)

Рис. 17. Сталиногорск: а) строящаяся Комсомольская улица города. Вид с балкона здания горсовета. Фото 1938 г.; б) Радио-дом и трехпролетная арка входа в Комсомольский сквер. Фото 1945 г.; в) проект застройки квартала № 55 (между улицами Комсомольской и Кирова на отрезке от улицы Московской до улицы Свердлова). Угол улиц Московской и Комсомольской. Жилой дом ИТР и Радио-дом. Перспектива. Архитекторы Н.Л. Якобсон, М.И. Джандиери, Е.С. Сорокина. 1935 год

Совершенно очевидно, что городская скульптура 1930-х годов, проектировавшаяся вместе с окружающей ее застройкой как неотъемлемая часть города-ансамбля, в формировании городских перспектив Сталиногорска играла строго отведенную ей роль, регламентированную значимостью изображаемых фигур и местом в иерархии городских пространств. В то же время довоенная парковая скульптура, беря на себя не свойственную ей роль сильных вертикальных доминант и появляясь в случайных местах города, с точки зрения его пространственной артикуляции была, скорее, элементом неуместным и, порой, из-за своего гипертрофированного масштаба, деструктивным. Самые яркие примеры тому – это гипсовые скульптуры на главной аллее Сталиногорского парка культуры и отдыха (рис. 18а) или гигантская фигура рабочего со знаменем, появившаяся в сквере Заводского района города (Сталиногорск-2) 28 июня 1933 года в честь XIX Международного Юношеского Дня, который праздновался в сентябре (рис. 18б, в). Как писала газета «Подмосковный гигант»: «28 июня 1933 г. на центральном сквере [Заводского района] будет установлена скульптура фигуры рабочего-строителя. В одной руке он держит Красное знамя, другой указывает на заводы Химкомбината как символ победоносного завершения первой пятилетки. Скульптура сделана из гипса, на бетонном постаменте. Общая высота – 6 метров. Работа выполнена членами Московского союза скульпторов т.т. Кудряшевым²⁴ и Горбуновым²⁵»²⁶.

Исключением из этого ряда малых городских архитектурных форм, не являющихся изображением вождей, можно считать фонтан на площади Горсовета и не пережившие войну гипсовые фигуры атлетов, украшавшие в конце 1930-х стадион Строителей в Заводском районе Сталиногорска (рис. 19). Они были сомасштабны и своему месту в городе и тем визуальным пространственным задачам, которые должны были решить. Они были элементом того ансамбля, которому принадлежали. Да, безусловно, их наличие

²⁴ Вероятно, автор имел в виду Владимира Владимировича Кудряшева (1902 – 1944) – скульптора, живописца и графика, выпускника скульптурного класса ВХУТЕМАСа. Его скульптурное наследие 1930-х не сохранилось: большая часть работ была выполнена, точно так же как сталиногорская фигура рабочего, в гипсе, а композиции, выполненные в бронзе, во время войны были отправлены на переплавку.

²⁵ Соавтора В.В. Кудряшева по этой работе персонифицировать не удалось.

²⁶ Публикация газеты «Подмосковный гигант» 20 июня 1933 года // Цит. по: Сталиногорск 1941. Поисковый отряд Д.О.Н. – URL: https://stalinogorsk.ru/skver_v_stalinogorske-2 (дата обращения 10.06.2021).

определялось проектами и стадиона, и площади, но характер рождался в процессе создания композиции места.

а)

б)

в)

Рис. 18. Сталиногорск: а) на главной аллее Парка культуры и отдыха. Фото А. Есаулова, 1940 г.; б) XIX Международный Юношеский День в сквере Заводского района города (Сталиногорск-2). Фото сентябрь 1933 г.; в) голова рабочего. Скульптор В.В. Кудряшов в мастерской. Фото начала 1930-х гг.

а)

б)

в)

г)

Рис. 19. Сталиногорск: а) фонтан на площади Горсовета. Фото 1937 года; б, в, г) фигуры атлетов на стадионе Строителей в Заводском районе. Девушка с мячом, Футболисты, Дискбол. Фотограф Н.А. Рафаилович. Фото конца декабря 1941 года

«В конце мая 1932, то есть, между принятием 23 апреля 1932 постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» и созданием Союза Советских Архитекторов, когда МАО – инициатор конкурса на проект «Рабочего поселка в районе рудника им. А. Рыкова близ станции Бобрик-Донской Рязанской железной дороги» доживает свои последние дни и влиять на какие бы то ни было решения уже не может»²⁷, Экономический Институт Красной профессуры и Научно-исследовательский институт Коммунистической академии созывают научно-техническую конференцию «по строительству Бобриковского комбината»²⁸. А.И. Кузнецов – автор действовавшего в тот момент генерального плана города, возглавлявший эту работу в ГиПКонторе МОКО²⁹, показал новый эскизный вариант застройки центральной магистрали города. Вариант действительно нового индустриального города, в котором уже существующая малоэтажная жилая застройка сочеталась с высотными доминантами (рис. 20).

²⁷ Долинская И.М. Строительство соцгорода Бобриковского химкомбината как опыт формирования комфортной городской среды. 1929 – 1940 годы. // *Ландшафтная архитектура и формирование комфортной городской среды. Материалы XV региональной научно-практической конференции.* ННГАСУ. – 2019. – С. 27-40.

²⁸ Скворцов Н.М. О проекте планировки Бобриковского соцгорода. По материалам секции соцрасселения и жилищно-бытового строительства Института экономики Комкадемии и научно-технической конференции по Бобрикам // *Советская Архитектура.* – 1932. – № 4. – С. 8.

²⁹ Геодезическая и проектная контора Московского областного отдела коммунального хозяйства. Известны два выполненных ею проекта: соцгород в Бобриках (опубликован в журнале «Советская Архитектура». – 1932. – № 4. – С. 8-34) и проект гидротехпарка в Краснопресненском районе Москвы (опубликован в журнале «Строительство Москвы». – 1932. – № 2). О конторе см.: Казусь И.А. *Советская архитектура 1920-х годов: организация проектирования.* – Москва: Прогресс-Традиция, 2009. – С. 220.

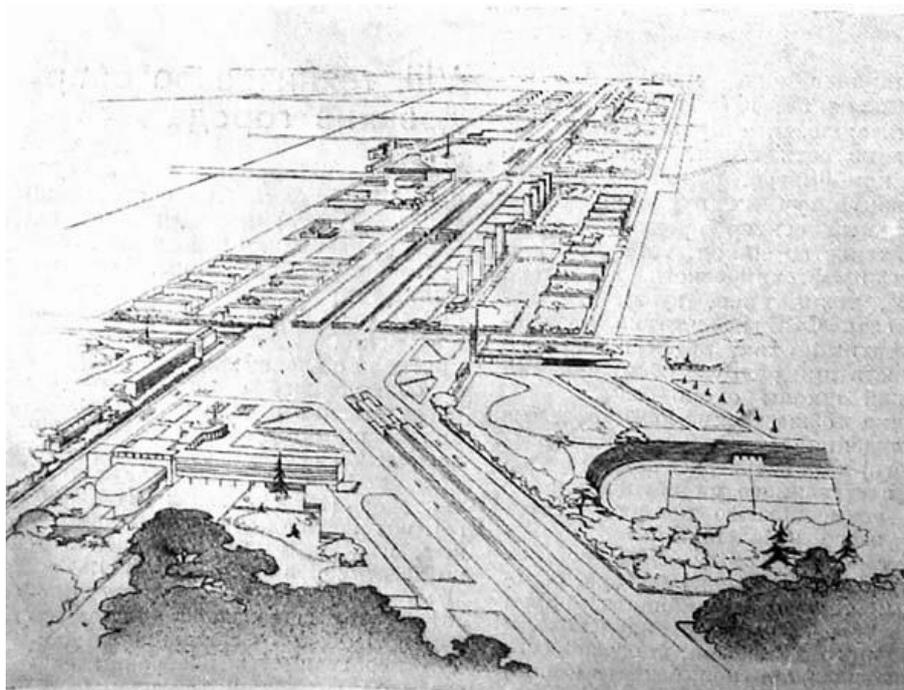

Рис. 20. ГИПКонтора МОКО. Бобрики. Эскиз центральной магистрали соцгорода (ныне улица Московская). Архитекторы Кузнецов А.В., Корноухов А.Н., Наумов М.Р.; экономист Артюхов А.Е. 1932 год

Это была, едва ли, не последняя в истории советской архитектуры отчаянная попытка спроектировать и построить конструктивистский город, определить его градостроительные и композиционные приемы, его ансамбли и иерархию его пространств. Но те, кто имел право принимать решение, уже сделали свой выбор. Решения и итог конференции – это не просто момент окончания строительства в Московском угольном бассейне «динамичного соцгорода эпохи авангарда», как его определила А.Н. Селиванова. Это момент перехода от «горизонтальных городов» первых пятнадцати послереволюционных лет СССР к городам, если не «вертикальным», о которых писал Пастернак, то, по крайней мере, к городам артикулированным и, следовательно, визуально читаемым. С этого момента строившийся на месте «рабочего поселка в районе рудника им. А. Рыкова близ станции Бобрик-Донской Рязанской железной дороги» Сталиногорск стал стартовой экспериментальной площадкой, на которой отрабатывались композиционные приемы создания репрезентативного сталинского города-ансамбля образца 1935 года.

Источники иллюстраций

Рис. 1 и 3. Частная коллекция. Москва.

Рис. 2. Pharus-Plan. Berlin Mit Vororten // Pharus Verlag G.m.b.h., Berlin. – 1926 (в авторской интерпретации).

Рис. 4.а. Журнал «Современная архитектура». – 1928. – № 6 (титульный лист).

Рис. 4б, 4в. Журнал «Современная архитектура». – 1928. – № 6. – С. 173.

Рис. 5.а. Журнал «Современная архитектура». – 1928. – № 6. – С. 171.

Рис. 5.б. [15, с. 122].

Рис. 6. Архив С.Л. Прокофьевой, дочери Л.Е. Фейнберга.

Рис. 7а. Мой город. Кушва / Красноуральск / Верхняя Тура – URL: <https://moigorod.online/photo-id-440.html> (дата обращения 11.06.2021).

Рис. 7б. Мой город. Кушва / Красноуральск / Верхняя Тура. – URL: <https://moigorod.online/photo-id-439.html> (дата обращения 11.06.2021).

Рис. 8а. [3, с. 94] (в авторской интерпретации).

Рис. 8б. Калиничева А.Н. Формирование ансамблей центральных улиц соцгородов РСФСР, основанных между 1922 и 1939 годом // Выпускная квалификационная работа на

соискание квалификации магистра архитектуры. Науч. рук. Долинская И.М. – Москва: МАРХИ, 2017. – С. 37.

Рис. 9а, 9б, 9в, 10б, 12а и 12б. Архив М.И. Синявского.

Рис. 10а. [3, с. 95] (в авторской интерпретации).

Рис. 11а. Играка. Дом Советов и Труда. Фотографии прошлого // Pastvu.com: Retro View of Mankind's Habitat. – URL: <https://pastvu.com/p/793438> (дата обращения 01.06.2021).

Рис. 11б. Deutsche in Sibirien (1): Wie Otto Heller die Neue Welt im Osten entdeckte // Russia beyond. – URL:

https://de.rbth.com/deutschland_und_russland/menschen/2016/06/18/deutsche-in-sibirien-1-wie-otto-heller-die-neue-welt-im-osten-entdeckte_603967 (дата обращения 01.06.2021).

Рис. 13а. Галактионов А.А. Проект застройки Сталиногорска // Советская Архитектура. – 1935. – № 4. – С. 70.

Рис. 13б, 14а, 14б. Галактионов А.А. Проект застройки Сталиногорска // Советская Архитектура. – 1935. – № 4. – С. 72 (в авторской интерпретации).

Рис. 15а. Новомосковск (бывш. Сталиногорск) Тульской обл. Центральная пл. Памятник И.В. Сталину // Pastvu.com: Retro View of Mankind's Habitat. – URL:

<https://pastvu.com/p/247746> (дата обращения 14.06.2021).

Рис. 15б и 16б. Сталиногорск. Фотографии центральных улиц в 50-е годы. Новомосковск сегодня. Информационное агентство. – 04 сентября 2011. – URL:

<http://www.nmosknews.ru/news/chronicle/6788/> (дата обращения 14.06.2021) (в авторской интерпретации).

Рис. 16а. Галактионов А.А. Проект застройки Сталиногорска // Советская Архитектура. – 1935. – № 4. – С. 71.

Рис. 16в. Памятник Ленину. Город Новомосковск // Pastvu.com: Retro View of Mankind's Habitat. – URL: <https://pastvu.com/p/247754> (дата обращения 14.06.2021) (в авторской интерпретации).

Рис. 17а. Васильев С.А. Город Сталиногорск в прошлом и настоящем // Сталиногорск 1941. Поисковый отряд Д.О.Н. – URL: https://stalinogorsk.ru/vasilev_gorod_stalinogorsk (дата обращения 14.06.2021).

Рис. 17б. Газета «Московская кочегарка». – № 120 (411) за 3 октября 1945 года – с. 2. // Сталиногорск 1941. Поисковый отряд Д.О.Н. – URL:

https://stalinogorsk.ru/odin_iz_kvartalov_stalinogorska (дата обращения 14.06.2021).

Рис. 17в. Галактионов А.А. Проект застройки Сталиногорска // Советская Архитектура. – 1935. – № 4. – С. 73.

Рис. 18а. Газета «Коммунар». – № 40 (6487) за 23 июня 1940 г. – с. 1 // Сталиногорск 1941. Поисковый отряд Д.О.Н. – URL:

https://stalinogorsk.ru/na_glavnoj_allee_parka_kultury_i_otdykha (дата обращения 14.06.2021).

Рис. 18б. Сталиногорск в фотографиях // Сталиногорск 1941. Поисковый отряд Д.О.Н. – URL: https://stalinogorsk.ru/skver_v_stalinogorske-2 (дата обращения 15.06.2021) (в авторской интерпретации).

Рис. 18в. Архив кафедры Скульптуры Московского Архитектурного института (государственной академии).

Рис. 19б, 19в, 19г. Рафаилович Николай Александрович. Фотолетописец зарождения и становления Сталиногорска // Сталиногорск 1941. Поисковый отряд Д.О.Н. – URL:

https://stalinogorsk.ru/rafalovich_nikolaj_aleksandrovich (дата обращения 10.06.2021).

Рис. 20. Скворцов Н.М. О проекте планировки Бобриковского соцгорода. По материалам секции соцрасселения и жилищно-бытового строительства Института экономики Комакадемии и научно-технической конференции по Бобрикам // Советская Архитектура. – 1932. – № 4. – С. 30 (в авторской интерпретации).

Литература

1. Бугров К.Д. Красноуральск – забытый соцгород первой пятилетки // Советский проект. 1917 – 1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: сборник научных трудов. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2018. – С. 353–364.

2. Бухарова Е.А. Образ солнца в проектах архитектора Ивана Леонидова 1940-1950-х годов // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. – 2014. – № 3. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obraz-solntsa-v-proektah-arhitekтора-ivana-leonidova-1940-1950-h-godov> (дата обращения 11.06.2021).
3. Гозак А.П. Иван Леонидов. – Москва: Жираф, 2002. – 240 с.
4. Долинская И.М. Жилмассивы 1920–1930-х годов как феномен процесса социалистической идеализации исторических городов / И.М. Долинская, Д.Ю. Дубовец // Наука, образование, экспериментальное проектирование. Труды МАРХИ. Материалы международной научно-практической конференции. Сборник статей. – Москва: МАРХИ, 2018. – С. 91–94.
5. Долинская И.М. Отражение идей Ивана Леонидова в современной градостроительной структуре Игарки // Наука, образование, экспериментальное проектирование. Труды МАРХИ. Материалы международной научно-практической конференции. Сборник статей. – Москва: МАРХИ, 2019. – С. 377–381.
6. Долинская И.М. Концепция города-сада как прообраз соцгорода и попытка формирования комфортной городской среды для жизни строителей «коммунистического завтра». Исторический обзор // Ландшафтная архитектура и формирование комфортной городской среды. Материалы XIV региональной научно-практической конференции: сборник трудов. – Нижний Новгород: ННГАСУ, 2018. – С. 21–33.
7. Коршунов Б. Подмосковный электро-химический комбинат. // Строительство Москвы – 1930 – № 7 – с. 12-16.
8. Лапин И.М. Братья Веснины – педагоги московской архитектурной школы // Architecture and Modern Information Technologies. – 2017. – № 1(38). – URL: https://marhi.ru/AMIT/2017/1kvart17/PDF/06_AMIT_38_LAPIN_PDF.pdf (дата обращения 01.06.2021).
9. Леонидов И.И. Будущее Игарки // Северная стройка. – 1931. – № 39 (54), 5 сентября.
10. Меерович М.Г. Градостроительная политика СССР 1917-1929. От города-сада к ведомственному рабочему поселку. – Москва: Новое литературное обозрение, 2018. – 348 с.
11. Пастернак А.Л. Споры о будущем города // Современная архитектура. – 1930. – № 1–2. – С. 57–59.
12. Селиванова А.Н. Бобрики – Сталиногорск – Новомосковск: модель перехода от концепций соцгорода к сталинскому городу-ансамблю // Проект Россия. – № 48(2). – С. 164–170.
13. Тощев А.И. От утопии – к науке, от вечной мерзлоты – к городу Солнца / А.И. Тощев, Е.А. Барабанова. – Красноярск: Знак, 2006. – 92 с.
14. Улько А.С. Методы формирования жилой застройки на основе принципов отечественной архитектуры эпохи авангарда 1920-1930 годов / А.С. Улько, А.А. Аксенова, И.М. Ястребова // Architecture and Modern Information Technologies. – 2019. – №1(46). – С. 148-159. – URL: http://marhi.ru/AMIT/2019/1kvart19/11_ulko/index.php (дата обращения 01.06.2021).

15. Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда. Книга вторая. Социальные проблемы. – Москва: Стройиздат, 2001. – 712 с.
16. Хан-Магомедов С.О. Кумиры авангарда. Иван Леонидов. – Москва: Фонд «Русский авангард», 2010. – 368 с.

References

1. Bugrov K.D. *Krasnouralsk – zabytyj socgorod pervoj piatiletki. Sovetskij proekt. 1917 – 1930-e gg: etapy i mehanizmy realizacii: sbornik nauchnyh trudov* [Krasnouralsk – the first five-year plan forgotten socialist city. Soviet project. 1917 – 1930s: stages and implementation mechanisms: scientific papers collection]. Ekaterinburg, 2018, pp. 353–364.
2. Bukharova E.A. *Obraz solntca v proektah arhitektora Leonidova 1940-1950-h godov* [The image of the sun in the architect Ivan Leonidov 1940-1950s projects]. *Akademicheskii vestnik UralNIIproekt RAASN*, 2014, no. 3. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/obraz-solntsa-v-proektah-arhitektora-ivana-leonidova-1940-1950-h-godov>
3. Gozak A.P. *Ivan Leonidov* [Ivan Leonidov]. Moscow, 2002, 240 p.
4. Dolinskaia I.M., Dubovec D.U. *Zhilmassivy 1920–1930-h godov kak fenomen processa socialisticheskoi idealizacii istoricheskikh gorodov* [The 1920s – 1930s housing arrays as a phenomenon of the historical cities socialist idealization process. *Trudy MARHI*]. Moscow, MARHI, 2018, pp. 91–94.
5. Dolinskaia I.M. *Otazhenije idej Ivana Leonidova v sovremennoj gradostroitel'noj strukture Igarki* [Ideas of Ivan Leonidov's reflection in the structure of Igarka modern town-planning. *Trudy MARHI*]. Moscow, MARHI, 2019, pp. 377–381.
6. Dolinskaia I.M. *Koncepcija goroda-sada kak proobraz socgoroda i popytka formirovanija komfortnoj gorodskoj sredy dlia zhizni stroitelej «kommunisticheskogo zavtra». Istoricheskij obzor* [The garden city concept as a socialist city prototype and an attempt to form a comfortable urban environment for the life of the “communist tomorrow” builders. *Historical overview*]. Nizhnij Novgorod, NNGASU, 2018, pp. 21–33.
7. Korshunov B. *Podmoskovnyj elektro-himicheskij kombinat*. [Moscow suburbs electro-chemical plant]. *Stroitel'stvo Moskvy*, 1930, no. 7, pp. 12–16.
8. Lapin I.M. *Vesnin brothers – teachers of the Moscow's architecture school*. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2017, no. 1(38). Available at: https://marhi.ru/AMIT/2017/1kvart17/PDF/06_AMIT_38_LAPIN_PDF.pdf
9. Leonidov I.I. *Buduzcheje Igarki* [Igarka's future]. *Severnaja Strojka*, 1931, no. 39(54).
10. Mejerovich M.G. *Gradostroitel'naja politika SSSR 1917-1929. Ot goroda-sada k vedomstvennomu rabochemy poselku* [The USSR 1917-1929 urban planning policy. From the garden city to a departmental industrial community]. Moscow, 2018, 348 p.
11. Pasternak A.L. *Spory o buduzchem goroda* [Disputes about the city future]. *Sovremennaja arhitektura*, 1930, no. 1-2pp. 57–59.
12. Selivanova A.N. *Bobriki – Stalinogorsk – N, ovomoskovsk: model perehoda ot koncepcij socgoroda k stalinskomu gorodu-ansamblju* [Bobriki – Stalinogorsk – Novomoskovsk: he transition from the concepts of a socialist city to a Stalin city-ensemble model]. *Projekt Rossija*, no. 48(2), pp. 164–170.

13. Tozhev A.I., Barabanova E.A. *Ot utopii – k nauke, ot vechnoj merzloty – k gorody Solnca* [From utopia to science, from permafrost to the city of the sun]. Krasnojarsk, 2006, 92 p.
14. Ul'ko A.S., Aksenova A.A., Yastrebova I.M. Methods of residential buildings forming on the principles of the domestic avant-garde architecture of 1920-1930s. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2019, no. 1(46), pp. 148–159. Available at: http://marhi.ru/AMIT/2019/1kvart19/11_ulko/index.php
15. Khan-Magomedov S.O. *Arhitektura sovetskogo avangarda. Kniga Vtoraja. Social'nyje problem* [The architecture of the Soviet avant-garde. Book two. Social problems]. Moscow, 2001, 712 p.
16. Khan-Magomedov S.O. *Kumiry avangarda. Ivan Leonidov* [Heroes of avant-garde. Ivan Leonidov]. Moscow, 2010, 368 p.

ОБ АВТОРЕ

Долинская Ирина Марковна

Профессор кафедры «Градостроительство», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия
e-mail: idolinskaya@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Dolinskaia Irina

Professor of the Department of Urban Planning, Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia
e-mail: idolinskaya@yandex.ru